

- Анатолий Игнатьевич, вас знают как писателя, автора повестей «Ночевала тучка золотая», «Рязанка», «Кукушата» и других. Знают как одного из основателей движения «Апрель», сторонника радикальных демократических преобразований. В настоящее время вы возглавляете Комиссию по вопросам помилования. Что это за комиссия? Давно ли существует? Кто в нее входит? Существовали ли в СССР (России) подобные комиссии раньше?

- В марте комиссии будет два года. Существовало ли что-то похожее раньше? Да. Председателем комиссии был Председатель Президиума Верховного Совета, заместителем - заместитель Председателя Президиума Верховного Совета. Членами комиссии состояли - министр внутренних дел, председатель КГБ, министр юстиции, генеральный прокурор. То есть комиссия состояла из тех, кто сажал. Заседала она, я полагаю, раз в два-три месяца, чиновники готовили для нее расстрельные и прочие списки. Из четырехсот пятидесяти человек примерно десятком миловали: наверное, существовала определенная квота. Не думаю, что члены прежних комиссий испытывали сложности морального порядка. Установка была - карать. Они и карали. Наша комиссия возникла как альтернатива тому, что было раньше. В декабре 1991-го романтические вейния еще не были задавлены мощным чиновничьим прессингом. Отыскались и несколько людей, которые действительно захотели, чтобы в России возникла нормальная «помиловочная» комиссия. Это - Ельцин, Шахрай, Бурбулис, член КС Кононов. «Крестным» же «отцом» комиссии, то есть человеком, который ходил, пробивал, доказывал, стал известный правозащитник Сергей Адамович Ковалев. Комиссия наша - общественная, ее члены денег не получают. Ковалев замыслил ее как «комиссию совести» и вел переговоры не только со мной. Но получилось, что председателем комиссии стал я.

- Вот, наверное, обрадовались в семье?

- Криминал, уголовщина - особый, опасный мир. Дома мне не разрешают произносить слово «комиссия». Ковалев приезжал ко мне, «давил» на совесть, в конце концов я согласился. Вообще во

всем, что касается комиссии, много загадочных совпадений. Так, она состоит из тринадцати членов. Начала работать пятого марта, то есть в день смерти Сталина. Заседает в кабинете председателя КПК, в помещении, где совершались гражданские казни.

- Кто входит в комиссию? Как вы подбирали людей?

- Я действовал так же, как Ковалев, - давил на совесть. Я говорил, ну чем мы хуже Чехова, который, болев туберкулезом, поехал на Сахалин, чтобы помочь самым что ни на есть изгоям общества - каторжанам? Копаться в говне всегда неприятно, но кто-то же чистит сортиры? Я не думаю, что наша комиссия долговечна. Политика, экономика - все меняется как в калейдоскопе. Я говорил, давайте поработаем сколько сможем. Давайте поможем столько людям, сколько Бог позволит. Я - верующий человек. Если Господь поставил меня на эту точку, буду стоять на ней столько, сколько потребуется. По такому же принципу подбирались и комиссия. В нее вошли Булат Окуджава, Валентин Оскоцкий, Аркадий Вайнер, Фазиль Искандер, Лев Разгон - он сказал: сил нет, но отказаться не имею права, - священник отец Александр, психолог Михаил Кочин, журналисты, юристы-законодотель. Неделю назад в этом самом кабинете сидел Алесь Адамович, я хотел пригласить его в комиссию на временно вакантное место уехавшего в Америку академика Вячеслава Иванова. Он почти согласился, но на следующий день умер, можно сказать, у меня на руках. Такая вот трагедия. В комиссию входят люди разных взглядов, они голосуют, как считают нужным. Но, думаю, могу сказать за всех: мы за милосердие, за «милость к падшим». За два года мы практически не пропустили ни одного заседания. Наплыв дел огромный, люди томятся в камерах. Мы не можем позволить себе расслабиться. Иногда кто-то не может прийти, я звоню, говорю, конечно, не приходи, если не можешь, но человек лишнюю неделю будет сидеть. И почти всегда в ответ: ладно, приеду.

- Анатолий Игнатьевич, какой официальный статус комиссии?

- Это конституционная комиссия. По Конституции - и новой тоже - есть три главные комиссии: наградная, по гражданству и по

Анатолий ПРИСТАВКИН:

«Милосердие превышает справедливость?»

милованию. Помилование практикуется во всем мире. Где милует король, где президент, где шах, где министр юстиции или кто-то еще. Комиссия находится на стыке многих интересов. Когда я собирал ее, то думал: в нашем коррумпированном обществе, безусловно, должна быть авторитетная инстанция, насчет которой самый последний зек был бы уверен: там неподкупно, туда попало - значит, честно и объективно рассмотрят. В год к нам поступает около ста тысяч заявлений. Мы смотрим все «смертные» дела. Старики, инвалиды, ветераны войны, многодетные матери - эти дела мы смотрим в первую очередь. Комиссия не милует, милует Президент, а он доверяет комиссии.

- Как вы относитесь к смертной казни? Одно дело абстрактно выступать против. Другое - погрузиться в эти страшные уголовные дела, ощутить предсмертный ужас жертв, с помощью документальных свидетельств убедиться, какими жестокими и беспощадными могут быть преступники. Вы по-прежнему за гуманизм и милосердие к тем, кого мы называем отбросами общества?

- Очень сложный вопрос. Недавно я, кстати, выступал на европейском конгрессе именно по этому вопросу. Там я еще раз повторил: я противник смертной казни. Но каждый член комиссии имеет на сей счет собственное мнение. Приговоренный к высшей мере не может быть казнен, пока не пройдет нашу комиссию. Даже если он не подает ходатайства.

- Неужели случается и такое?

- Довольно часто. Из чувства протеста, отчаяния. Даже из ненависти к миру. Мы все равно эти дела рассматриваем. Я прекрасно понимаю, что наше, привыкшее к жестокости, насилию, крови общество не готово принять отмену смертной казни. Люди верят, что жестокостью можно что-то поправить. Хотя, если бы это было так, преступность бы не росла. Жестокость общества и преступность - сообщающиеся сосуды. Мы стараемся переломить эту тенденцию. Первое направление нашей деятельности - доказательная пропаганда гуманизма. Евгения Альбац, Лев Разгон, Булат Окуджава, отец Александр (Александр Борисов), Михаил Кочин, Валентин Оскоцкий - все это люди, превосходно владеющие пером, умеющие выступать перед самыми разными аудиториями. Мы стараемся на конкретных примерах показать, чем чревато убийство государством человека, какие тут могут быть допущены ошибки. Если допущена ошибка по отношению к одному человеку, значит, она может быть допущена по отношению ко мне, к вам, к Ельцину, да к кому угодно. Увы, российская - бывшая советская - система судебного производства далека от совершенства. Второе направление нашей деятельности - законодательные усилия. Мы выступаем за пожизненное заключение вместо смертной казни. Пока человек жив, ошибку в приговоре (если она имела место) можно исправить. Президент в этом нас поддерживает. Ведь пожизненное заключение - это тоже очень тяжелое наказание. Преступники нам пишут: «Не хочу всю

жизнь сидеть, плевал я на вашу пожизненность, я покончу с собой». Но мы не убиваем людей и тем самым не даем свершиться судебной ошибке.

- Вы чувствуете общественную поддержку?

- Со стороны интеллигенции, хотя и не всей, конечно, - да. Из глубинки, с мест иногда идут смягчающие обстоятельства, пытаются помочь человеку найти себя, если ему все же суждено вернуться в общество.

- Проходило ли через вас дело небезызвестного Чикатило?

- Заседание длилось два дня. Мы выслушали психиатров, выслушали всех, кто имел отношение к расследованию этого дела. Это не маньяк. Это больной на сексуальной почве человек, но не маньяк. Он знал, что делал. Я придаю большое значение тому, как именно написано ходатайство. Слог человека - зеркало его души. Так вот, в ходатайстве Чикатило нет ни малейшего раскаяния. Он обвиняет медицину, советскую власть, коммунистов, всех, только не себя. 63 страницы сплошных обвинений. Доводы Чикатило не встретили у нас понимания. Никто и никогда еще не проходил этой дороги. Важно одно: туда ли мы идем или совсем в другую сторону? В другую сторону - опять в социализм, коммунизм, тоталитарное общество. Пока мы туда не

идем. Жириновского я не боюсь, к фашизму мы тоже не идем. А вот то, что стало чуть-чуть свободнее, что внутренне мы все раскрепостились, - это очевидно. Конечно, это еще далеко не полная свобода, но направление выбрано правильное. Как бы там ни было, мы движемся к рынку. У меня есть свои пристрастия. Например, мне нравится Гайдар, я считаю его умницей. Вот говорят: неуспех, а почему, собственно, неуспех? В магазинах-то почти все есть. А если бы не было этого двоевластия, когда одна финансово-банковская система тормозила другую, может быть, дела бы пошли гораздо лучше? Есть люди, которые хотят, чтобы реформы двигались энергично, есть, которые совсем не хотят никаких реформ. И это естественно, жизнь общества определяется некоей среднесоставляющей. А она пока такова, что реформы идут, трудно, но идут.

- Писатель Анатолий Приставкин выиграл или проиграл в результате установления в книгоиздании рыночных отношений?

- Проиграл. Мне негде издаться. Я не издал после «Ночевала тучка...» ни одной книги. «Рязанка» лежит, «Кукушата» лежат, сказки лежат. Некому издавать, если, конечно, не считать журналов. На Западе все вышло отдельными книгами, в России - нет. Пока я не нашел себя как «коммерческий» писатель. Но надо же подниматься над своими обидами. Бог даст, все наладится. Вот режиссер Савва Кулиш пытается организовать фонд помощи культуре. Я вошел в инициативную группу. Помочь бедствующему режиссеру поставить фильм, писателю - издать книгу. Или вот ко мне обратились шведы - готовы предоставить нашим литераторам свой дом творчества для работы. Но билеты за наш счет. Где взять деньги? У Александра Николаевича Яковлева есть на примете какой-то японский фонд. Обратились туда - может, и помогут. Хватит болтать, что гибнет культура. Надо что-то делать. Полагаю, что сначала человек должен думать - как выжить. Вторая же мысль - как помочь ближнему. В двадцатые годы ситуация была еще хуже, но культура не погибла. Не погибнет и сейчас.

- Согласны ли вы с утверждением, что писатель волю-

нует свою нравственность в произведениях, сам же он может вести себя как хочет?

- Писатель воплощает свою нравственность во всем. Зачем Чехову было ехать на Сахалин? Толстому - кормить с ложки чумных в Саратовской губернии? В августе девяносто первого мне довелось быть в Дубутлах. Я и еще несколько моих коллег обратились по телевидению к солдатам с просьбой не стрелять в людей. Потом мне рассказывали, что в войсках прислушались к моим словам. Больше всего на свете мне бы хотелось жить в башне из слоновой кости, заниматься исключительно литературой, но я не могу себе этого позволить, когда вокруг столько боли и страдания. Есть совесть, она у человека неделима. Мне говорят: зачем ты лезешь в политику? Да не лезу я в политику. Рассмотрели дело, Президент подписал, человек свободен. Не нужен мне этот кабинет, не нужны мне все эти телефоны, не нужна мне политика. Я всего лишь помогаю людям.

- Да вот беда, Анатолий Игнатьевич, народ несильно верил прежней коммунистической власти, еще меньше он склонен верить нынешней - демократической, которая, помимо привилегий и прочего, унаследовала от коммунистической и такую ее порок, как абсолютную неподсудность чиновничества.

- Это мы ощущаем. Как сидела номенклатура на своих местах, так и продолжает сидеть. Бывший советский - нынешний российский - чиновник непробиваем. Мы говорим о двух властях - демократической и коммунистической, но, похоже, правит-то третья - номенклатурная. Хотя, конечно, среди чиновников немало великодушных, четких исполнителей-администраторов, благодаря которым, кстати, и существует государство.

- Как вы относитесь к книге Станислава Говорухина «Великая криминальная революция»?

- Наше общество действительно переживает всплеск коррупции, преступности, но я верю, пройдет время - эта волна схлынет. Говорухин путает. Он возбуждает общество теми же экстремистскими методами, какие когда-то использовали большевики. Я не приемлю большевизма ни в каком виде. Давайте искать ту позицию, которая сблизит, а не разъединит

людей.

- Не ощущаете ли вы на себе давления со стороны?

- Не я сказал: «Милосердие превышает справедливость». Что такое свобода? Дороже нее у человека нет ничего. Мы находимся на семи свинцовых ветрах. Нас пытаются купить, нам угрожают. Помиловали - обижаются пострадавшие от преступника. Не помиловали - родные и близкие преступника. Очень тяжелая работа. Опасная для психики. Считается, что зек сходит с ума после десяти лет тюрьмы. Охранник начинает «сдвигаться» еще раньше. Я видел тюрьмы в других странах. На Западе лучше нас понимают, что из тюрьмы надо выпустить ЧЕЛОВЕКА, что ему жить среди нормальных людей. Мы зачастую сажаем оступившихся, но нормальных людей, выходят же из наших тюрем волки. Что такое миллион сидящих? Чем больше мы сажаем, тем больше получаем в ответ жестокости. Я проехал по нашим лагерям. Боже мой, в каком бедственном положении находится Россия! Через криминальное «окно» многие вещи видятся яснее. Страшно смотреть в это окно: спившаяся, деградировавшая страна, где убивают ни за что - муж жену, жена мужа, брат брата, отец насилует дочь, дочь убивает родителей. Это какая-то библейская кара. Еще Солженицын говорил: выжить в лагере можно, только огрубев, ожесточившись, покрывшись панцирем. Что-то похожее, вероятно, происходит и со мной. Да и со всеми нами. Не в том смысле, что я стал думать о людях хуже. Просто на многие вещи я теперь смотрю иначе. Это помогает самосохраниться. Комиссия выполняет свой долг.

- Остается ли у вас время, чтобы писать?

- Недавно в газете «Книжное обозрение» были опубликованы мои сказки. В журнале «Дружба народов» вскоре выйдет повесть «Радиостанция Тамара». Главная идея всего, что я написал за последние два года, - это необходимость противоборства с жестокостью. Доброта спасет мир. Я сражаюсь с жестокостью как общественный деятель, сражаюсь с ней и как писатель.

Беседу вел Константин ЮРЬЕВ

Фото М.РЫБАКА и В.НИКИФОРОВА